

Прыжок из Колыбели Вселенной

Александр Омелаев

Александр Омелаев

Прыжок из Колыбели Вселенной

«Автор»

2026

Омелаев А.

Прыжок из Колыбели Вселенной / А. Омелаев — «Автор», 2026

В 2026 году мир сталкивается с физически невозможной аномалией: легендарный зонд «Вояджер-1» отклоняется от курса на три градуса. Объединив усилия станций дальней связи на трех континентах и применив незаслуженно забытые труды сибирских академиков, семья учёных совершает ошеломляющее открытие. Наша Солнечная система заперта внутри гигантского гравитационного кокона, а видимая Вселенная — лишь стойкая голографическая проекция. Наткнувшись на эту «стенку», «Вояджер» пустил рябь по аквариуму человечества. Втайне от спецслужб и военных, готовых наломать дров, Ефимия использует воссозданный отцом Квантовый резонатор зеркал Казначеева и, движимая страстью к познанию, совершает квантовый прыжок в глубокий Макрокосмос. Вернувшись через год, она приносит человечеству официальное приглашение в Галактический Союз Высших Рас и свою рукопись «Путешествие по Мирам Галактики». Это история о том, что творчество, наука и страсть созидания способны пробить любые барьеры пространства и времени.

© Омелаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Омелаев

Прыжок из Колыбели Вселенной

Глава

Александр Омелаев

Прыжок из Колыбели Вселенной

Эпиграф:

«Человек — это часть целого, которое мы называем **Вселенной**, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода **оптическим обманом**. Эта иллюзия стала темницей для нас...».

«**Реальность — это всего лишь иллюзия**, хотя и весьма настойчивая».

Альберт Эйнштейн

Оглавление:

1. Пролог. Иллюзия Эйнштейна. 2
2. Критический сбой Вояджера 3
3. Гравитационный тупик 26
4. Формула созидания. Код Ефимии. 29
5. Наследие Сибири. Забытые протоколы. 56
6. Операция Матрёшка 59
7. Охота шпионов 63
8. Прорыв Кокона 99
9. Личные страсти 105
10. Проект зеркального прыжка из кокона 108
11. Прыжок в Макромир 111
12. Другая реальность 124
13. Шифр на холсте. Пророчество. 126
14. Есть контакт 136
15. Заключение 138
16. Обращение к читателю 140

1. Пролог. Иллюзия Эйнштейна. Сентябрь 2026 г.

Вся история человечества — это хроника преодоления границ. Мы строили корабли, чтобы пересечь океаны, изобретали самолёты, чтобы укротить воздушный океан, и строили ракеты, чтобы вырваться из тисков земной гравитации. Нам всегда казалось, что над нашими головами простирается бесконечная, холодная и безжизненная пустота, в которой мы, по какому-то нелепому капризу эволюции, остались абсолютно одиноки. Мы отправляли в космическую темноту свои радиосигналы и аппараты-разведчики, надеясь поймать хотя бы слабый шёпот иных цивилизаций.

Эта книга — о том, что космос никогда не был пустым. Он ждал нас. Но чтобы услышать его ответ, человечеству пришлось пройти через самое сложное испытание — сломать собственные представления о действительности.

В центре этого повествования стоит незаурядная судьба одной семьи. Это история о том, как детская травма от несправедливого отказа в балетной школе может выковать стальной характер первооткрывателя Вселенной. О том, как острый математический ум и лингвистические способности способны увидеть гармонию там, где мировая наука видела лишь хаос и технические сбои.

Когда в сентябре 2026 года легендарный аппарат «Вояджер-1», запущенный ещё в семидесятых годах двадцатого века, начинает испытывать влияние невидимой «стенки» и плавно уходит со своей траектории, классическая физика заходит в тупик. И только интеграция фундаментальной баллистики ЦАГИ и НАСА с прорывными, опередившими своё время концепциями сибирских академиков Лаврентьева и Казначеева позволяет понять: Земля — это всего лишь колыбель, защищённая гравитационно-голографическим коконом, созданным Высшими Расами, чтобы уберечь наш молодой и буйный вид от пугающих масштабов настоящей Вселенной.

Введение в мир «Колыбели Вселенной» — это приглашение к интеллектуальному, научному и духовному совершенствованию. Это хроника того, как человечество, ведомое страстью созидания нескольких, увлечённых тайнами вселенной исследователей, сделало свой первый осознанный шаг из детской комнаты к сияющим фракталам живой Галактики.

2. Критический сбой «Вояджера».

12.09.2026 год. Сидней. Сухой сентябрьский ветер Канберры пах эвкалиптовой корой и остывающей за день пылью австралийского буша. За окнами радиотелескопа DSS-43, чья гигантская 70-метровая чаша белела в сумерках долины Тидбинбилла словно забытая богом футуристическая чаша, зажигались редкие огни. Здесь, вдали от светового загрязнения мегаполисов, природа казалась первобытной и равнодушной. По склонам холмов, покрытых жёстким скрэбом, лениво скользили тени кенгуру, а над головой расправляло свои крылья чужое, бездонное южное небо, истыканное острыми иглами звезд Южного Креста.

Бил сидел в полумраке аппаратной, уставившись на мерцающий монитор. На его лице лежал синеватый отсвет графиков, но мысли тридцатидвухлетнего радиоастронома были бесконечно далеки от радиоастрономии. В груди, где-то чуть ниже ребер, тупой и тяжёлой спиралью ворочалась обида. Ссора с Эрой случилась ровно неделю назад, в прошлую субботу, но Бил до сих пор помнил каждое слово, каждый интонационный излом её голоса. Это не был громкий скандал с битьем посуды. Эра умела ранить по-другому — ледяным, вежливым отстранением, от которого у Била перехватывало дыхание. *«Ты любишь свой мёртвый космос больше, чем живых людей, Бил»*, — сказала она тогда, собирая вещи в их съёмном коттедже на окраине Канберры. И этот её ровный, лишённый злости приговор крутился в его голове на повторе, как заевшая пластинка. Каждую ночь он мысленно переписывал тот разговор, подбирал другие, правильные слова, но в реальности натыкался лишь на длинные гудки в телефоне и безответные сообщения в мессенджере.

Именно из-за этой удушающей личной катастрофы Бил чуть не пропустил то, что должно было перевернуть всю мировую науку. Неделию назад, как раз в ту проклятую ночь после ухода Эры, Бил проводил плановый сеанс приема данных с «Вояджера-1». Аппарат, улетевший за 25 миллиардов километров от Земли, присылал свой едва слышный 22-ваттный шёпот. Но автоматическая система наведения антенны внезапно выдала ошибку позиционирования. Бил, едва соображая от бессонницы и выплаканных накануне слёз, скорректировал азимут вручную.

Вектор направления на «Вояджер-1» сместился на 1,5 градуса. Для объекта, находящегося в глубоком межзвёздном пространстве, это было не просто много. Это было физически невозможно. Чтобы сместиться на полтора градуса на небесной сфере за короткое время, зонд должен был развить скорость, близкую к световой, или встретиться с гравитационным объектом чудовищной массы, которого там просто не могло быть.

Бил тогда тупо уставился на цифры. Логика подсказывала, что это системный сбой. Возможно, поплыли калибровки приводов тяжёлой чаши, или верхние слои ионосферы Земли устроили редкую аномалию рефракции. В таком состоянии, с раскалывающейся от мыслей об Эре головой, Бил побоялся показаться дураком перед руководством NASA. Он просто зафиксировал аномалию в локальном логге, заблокировал сектор данных и пообещал себе перепроверить всё завтра.

Но «завтра» принесло новые сообщения от Эры через общего знакомого — она улетала в Сидней. И Бил сломался. Он забыл про космос. Полтора градуса ошибки так и остались лежать в закрытой папке на его рабочем столе, пока «Вояджер-1», или то, что им теперь управляло, продолжал двигаться по совершенно немислимой траектории.

Внезапно зуммер на панели управления DSN прерывисто запищал, возвращая Била в реальность. На экране мигал красный транспарант: *«Внимание. Обнаружен входящий несущий сигнал. Смещение по азимуту: 1,51 градуса. Структура пакета изменена»*.

Бил медленно выпрямился в кресле, чувствуя, как личная драма внутри него мгновенно покрывается коркой холодного, липкого страха. Это была не ошибка телескопа.

Калифорния. Пустыня Мохаве. Голдстоун. Комплекс дальней космической связи изнывал от полуденного зноя. Воздух над потрескавшейся землёй дрожал, превращая горизонт в зыбкое марево. Белоснежные чаши антенн, направленные в зенит, казались огромными фантастическими цветами, выросшими посреди безжизненного американского Запада.

Внутри кондиционированного, до стерильности прохладного зала управления тридцатилетняя Майя Лин лениво крутила в руке карандаш. В отличие от австралийского коллеги, её личная жизнь была кристально чистой и пустой, как калифорнийское небо. Вся её страсть уходила в сухие строчки программного кода. Майя была специалистом по телеметрии, и её задачей было «вычищать» полезный сигнал «Вояджеров» из терабайтов космического шума. Она как раз заканчивала плановую калибровку новой 34-метровой антенны DSS-23, когда скрипт первичной обработки данных выдал странное предупреждение. Майя нахмурилась и поправила очки. На графике угловых координат «Вояджера-1» красовался нелепый, дикий пик. Согласно телеметрии, пришедшей тридцать минут назад, вектор наведения на зонд сместился ровно на 1,5 градуса.

— Что за чертовщина?.. — пробормотала Майя, быстро застучав по клавишам. — Опять у Канберры датчики оплыли?

Она знала, что несколько часов назад аппарат «сопровождала» австралийская станция. Логично было предположить, что южный комплекс передал ей некорректные координаты для перехвата сигнала. Майя открыла внутренний технический чат DSN, чтобы отправить едкое замечание дежурному в Канберре — какому-то парню по имени Бил. Но Бил был офлайн. Более того, его рабочая станция в Австралии числилась активной, но на запросы не отвечала.

Майя перезапустила поисковый алгоритм Голдстоуна, принудительно заставив DSS-23 просканировать соседний сектор неба. Настоящий «Вояджер» должен был быть в точке А. Но точка А была мертва. Антенна сместилась на 1,5 градуса в точку Б — и динамики в аппаратной Голдстоуна вдруг выдали чистый, плотный, оглушительный сигнал. Это не было ошибкой Австралии. «Вояджер-1» действительно сошёл с ума. Или... его что-то сдвинуло.

Майя почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она потянулась к внутреннему телефону, чтобы объявить тревогу и вызвать директора базы, но в этот момент её монитор мигнул. Текст на экране начал стремительно перезаписываться, складываясь в ровные ряды шестнадцатеричного кода, который Майя никогда раньше не видела. Станция Голдстоун больше не контролировала антенну. Кто-то перехватывал управление извне.

Испания. Мадрид. Двадцатичетырёхлетняя Кармен, едва три месяца назад защитившая диплом в Мадридском политехническом университете, сидела на краю огромного кожаного кресла в зале управления DSN. Её тёмные, почти чёрные волосы были небрежно собраны

в пучок на затылке, а пара непослушных прядей падала на лицо, пока она лихорадочно перепроверяла строки лог-файлов. Сердце Кармен колотилось где-то в районе горла. Она была стажёром, «зелёным» оператором, которой доверили лишь следить за автоматикой во время вечернего окна связи с «Вояджером-1». И автоматика только что сошла с ума. На экране калибровки угловых координат горела жирная, немыслимая цифра. Смещение вектора наведения на 1,5 градуса.

— *Dios mío...* Этого не может быть, — прошептала она по-испански, чувствуя, как холодеют пальцы. — Я что-то сломала. Я точно нажала не ту кнопку. Вместо того чтобы объявить официальную техническую тревогу, Кармен в панике схватила со стола свой смартфон. Она знала, что за такие ошибки стажёров увольняют до окончания контракта. Но ещё она знала, кто может спасти её от позора. Она набрала номер своего непосредственного руководителя — руководителя смены, тридцатилетнего Альваро.

В этот самый момент Альваро сидел на открытой террасе небольшого бара в пригороде Мадрида, уныло глядя на бокал недопитого пива. Последние полгода его жизнь состояла из двух вещей: управления радиоантеннами НАСА и тайных, мучительных вздохов по новой стажёрке. Кармен была вихрем, ворвавшимся в его скучную инженерную рутину. Её ум, страсть к космосу и эти невероятные тёмные глаза лишали Альваро сна. Но как начальник, он держал дистанцию, боясь показаться навязчивым. Когда экран его телефона вспыхнул и на нём высветилось имя «Кармен», Альваро едва не выронил бокал. Сердце предательски ёкнуло. Суббота, вечер. Нештатный звонок.

— Привет, Кармен! — постарался он сказать это как можно более непринуждённо, чувствуя, как лицо расплывается в глупой улыбке. *«Неужели лёд тронулся? — пронеслась в его голове сумасшедшая мысль. — Может, она решила позвать меня на ужин? Или ей скучно на смене?»* — Как дела на комплексе? Всё спокойно?

— Альваро! Слава богу! Мне нужна твоя помощь, срочно, пока никто не заметил! — голос Кармен дрожал от волнения, и Альваро внутренне возликовал — она доверяет ему свои секреты. — Тут какая-то дичь с «Вояджером-1». Телескоп DSS-63 показывает смещение по азимуту на полтора градуса. Я уже три раза перезагрузила скрипт наведения, но сигнал ловится только в этой мёртвой точке! Помоги мне, я не хочу, чтобы меня вышвырнули!

Альваро замер с телефонной трубкой у уха. Романтический туман в его голове мгновенно рассеялся, уступая место холодному профессионализму. Как специалист, он понимал: если Кармен не врёт и это не сбой софта, то три станции DSN на планете — в Канберре, Голдстоуна и теперь в Мадриде — столкнулись с чем-то, что нарушает законы физики.

— Кармен, слушай меня внимательно, — Альваро уже на ходу бросал евро на столик бара и бежал к своей машине. — Ничего больше не трогай. Не пиши в общий чат DSN. Я буду через десять минут. Мы разберёмся с этим вместе.

Он захлопнул дверь автомобиля, ощущая странную смесь профессионального азарта и личного триумфа. Теперь они были связаны одной тайной.

Сидней. Бил и Эра. Шум международного аэропорта имени Кинг форда Смита оглушал. Бил ворвался в терминал, тяжело дыша, с растрёпанными от бешеных гонки волос. Его джинсы были в пыли Канберры, а в глазах горел лихорадочный, отчаянный блеск. Он лавировал между тележками с багажом и толпами туристов, судорожно высматривая на табло рейс на Окленд, которым, по словам друзей, Эра собиралась навсегда улететь из Австралии.

В кармане его куртки непрерывно, надрывно вибрировал телефон. На экране вспыхивали три буквы: DSN — международный коммутатор Сети дальней связи. Звонили из Голдстоуна, звонили из Мадрида, звонили из главного штаба NASA в Пасадене. Бил сбрасывал вызов за вызовом. Весь мир, вся вселенная с её полутора градусами аномалии сейчас сжались для него до одной-единственной точки в пространстве — стойки регистрации № 14.

— Эра! — его голос сорвался на хрип, когда он наконец увидел её.

Она стояла у самой черты паспортного контроля. Тонкая, в своём любимом бежевом пальто, с дорожной сумкой на плече. Эра обернулась. На её лице отразилась целая гамма чувств: от шока до привычной, глухой защиты.

— Бил? Что ты здесь делаешь? — спросила она, и в её голосе снова прорезалась та самая вежливая, ранящая холодность.

— Эра, пожалуйста, выслушай, — Бил подбежал к ней, тяжело опираясь руками на колени, пытаясь поймать её взгляд. — Ты была права. Я зарылся в свои железки. Я перестал видеть живой мир вокруг. Но космос... он пустой, Эра. А ты здесь. Не улетай. Позволь мне всё исправить.

Эра смотрела на него, и её ледяной щит впервые за неделю дал трещину. В уголках её глаз блеснули слезы. Она сделала шаг назад, прижимая к себе билет:

— Бил, ты примчался сюда из своей глуши... Но ты не изменишься. Стоит тебе увидеть очередную радиogramму от твоих звёзд, и ты снова забудешь, что я существую.

В этот момент телефон в кармане Била завыл сигналом экстренного приоритета Red Alert, который невозможно было заглушить. Звук был настолько громким и резким, что люди вокруг начали оборачиваться. Эра горько, обречённо усмехнулась:

— Видишь? Твой мёртвый космос снова зовёт тебя.

Бил посмотрел на разрывающийся мобильный, затем поднял глаза на Эру. Рука его замерла над карманом. На секунду ему показалось, что мир вокруг застыл, выбирая, куда повернуться.

Мадрид. Альваро и Кармен. Шины автомобиля Альваро резко затормозили на гравии парковки комплекса Робледо-де-Чавела. Мужчина выскочил из машины, даже не закрыв дверь, и побежал по бетонным коридорам к главному залу. Внутри него всё пело: Кармен позвала именно его. Он представлял, как сейчас успокоит испуганную девушку, как они вместе найдут ошибку в коде, и этот вечер станет началом чего-то большего. Он толкнул тяжёлую дверь аппаратной. Кармен сидела перед главным терминалом, обхватив голову руками. Её темные волосы окончательно выбились из пучка, а на щеках горел лихорадочный румянец.

— Альваро! — она вскочила, бросаясь к нему навстречу, и инстинктивно схватила его за предплечья. От её близости и запаха жасмина у Альваро на мгновение перехватило дыхание. — Смотри. Это не ошибка софта. Я проверила аппаратные шунты. Сигнал идёт с передатчика «Вояджера-1». Но это не телеметрия.

— Тише, Кармен, успокойся, я здесь, — Альваро мягко накрыл её ладони своими, чувствуя, как они дрожат. Лёд действительно тронулся, но совсем не так, как он ожидал. — Давай посмотрим вместе.

Они склонились над монитором. Альваро быстро застучал по клавиатуре, выведя на экран сырой бинарный код, который принимала 70-метровая антенна. По мере того как строки дешифратора сменяли друг друга, улыбка сползала с лица мужчины.

Пакет данных, транслируемый «Вояджером-1», больше не содержал отчётов о космических лучах. Это была математическая матрица.

— Посмотри на эти константы, — шепнула Кармен, её дыхание коснулось щеки Альваро, но он этого уже не замечал. — Это декартовы координаты. Три оси.

Альваро всмотрелся в расчётную точку, которую упрямо выдавал межзвёздный зонд. Его пробил озноб. Компьютерная модель наложила эти координаты на карту известной Вселенной. Вектор указывал не во внешний космос. Направление входящего сигнала из точки Б с абсолютной точностью описывало... третью планету от Солнца – Землю...

— Он транслирует координаты Земли, — мёртвым голосом произнёс Альваро, медленно отпуская руки Кармен. — «Вояджер» смотрит обратно на нас. И он... он что-то считает внутри нашей атмосферы. Прямо сейчас.

Кармен испуганно посмотрела на него, и в её огромных тёмных глазах отразился первобытный страх перед тем, что они только что разбудили.

Калифорния. Майя. В зале управления Голдстоуна стояла оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая только гулом серверов. Майя Лин сидела неподвижно, закинув руки за голову. Её очки съехали на кончик носа. Она не успела позвонить директору. Директор пришёл сам. Точнее, его привели трое мужчин в строгих тёмно-синих костюмах с незаметными нашивками Агентства национальной безопасности на лацканах. За окнами аппаратной, посреди залитой полуденным солнцем пустыни Мохаве, поднимались столбы пыли. Три военных вертолета «Black Hawk» только что приземлились прямо на техническую площадку между антеннами. Периметр комплекса стремительно оцепляли вооружённые солдаты.

— Мисс Лин, — произнёс старший из агентов, мужчина с жёстким лицом по фамилии Вэнс, останавливаясь у её кресла. — Пять минут назад министерство обороны зафиксировало, что радиоастрономический комплекс Голдстоун начал излучать направленный высокочастотный сигнал в верхние слои ионосферы. Без санкции Вашингтона.

— Я ничего не излучала! — Майя резко выпрямилась, её голос сорвался на возмущенный крик, хотя внутри всё сжалось от страха. — Мы на приёме! Мы принимаем «Вояджер-1»! Это он изменил частоту и сместился на полтора градуса!

— Нам плевать на металлолом, который улетел сорок лет назад, мисс Лин, — ледяным тоном перебил её Вэнс, кивая своим людям. Один из них уже вставлял зашифрованный флэш-накопитель в главный сервер телеметрии. — Ваша антенна DSS-23 заблокирована. Доступ к внешней сети для вас закрыт. С этого момента вы работаете под контролем АНБ.

— Вы не понимаете! — Майя вскочила, указывая дрожащим пальцем на экран, где строчки шестнадцатеричного кода продолжали безостановочно бежать вниз, игнорируя любые команды блокировки. — Не мы управляем антенной. И не министерство обороны. «Вояджер» перехватил наши передатчики. То, что сейчас находится на его координатах, использует Голдстоун как ретранслятор для чего-то... внутри нашей собственной сети. Он подключается к Земле!

В этот момент на всех экранах Голдстоуна, включая личный телефон Майи, лежащий на столе, изображение пропало. На чёрном фоне синхронно побежали белые цифры обратного отсчёта. До завершения полной синхронизации оставалось 23 часа 48 минут. Ровно столько, сколько радиосигналу требовалось, чтобы долететь от «Вояджера-1» до Земли.

Слияние частот. Экстренный канал связи международной Сети дальней космической связи (DSN) раскалился докрасна. Сигнал тревоги, запущенный почти синхронно из трёх точек планеты, сошёлся на закрытом защищённом сервере аудиоконференций НАСА. Шок, который испытали операторы всех трёх станций, был абсолютным. Рушились законы небесной механики, ломались привычные алгоритмы, но прежде чем докладывать высшему руководству и сеять планетарную панику, дежурные инженеры решили устроить закрытый консилиум.

На линии висели три континента. Из ночного, залитого дождем Сиднея дышал в трубку Билл, так и не догнавший Эру и оставшийся наедине со своим экстренным вызовом. Из утреннего Мадрида, сгрудившись у одного терминала, вслушивались в динамик Альваро и Кармен. Из полуденной Калифорнии, отчаянно жестикулируя перед хмурыми агентами АНБ, говорила Майя Лин.

— Это бред, этого просто не может быть! — срывался на крик голос Альваро из Испании. — Моя 70-метровая чаша намертво зафиксировала сигнал в точке смещения на полтора градуса. И этот сигнал... он не просто идёт от «Вояджера-1». Он идёт *сквозь* него откуда-то из более глубоких слоёв межзвёздной среды!

— В Голдстоуне то же самое, — резко перебила его Майя, нервно стуча пальцами по столу под надзором агента Вэнса. — Но хуже другое. Антенна DSS-23 заблокирована входящим кодом. Шаттл связи работает в режиме ретранслятора. Наш сектор неба не просто принимает шум, прибор фиксирует обратную телеметрию. «Вояджер» сканирует Землю!

— Коллеги, тише, — хриплый, уставший голос Билла из Канберры заставил всех замолчать. — Мои локальные логи показывают, что аномалия началась еще неделю назад. Я... я думал, это ошибка калибровки. Но теперь понятно, что это система. И эта система выдаёт декартовы координаты, которые сужаются вокруг нашей Земли. Мы не знаем, что это. Военные хакеры? Сбой софта? Или...

В виртуальной комнате повисло тяжёлое, липкое молчание. Никто не решался произнести слово «инопланетяне» или «внешнее вторжение». Учёные до последнего цеплялись за рациональные объяснения, но идеи кончались. Атмосфера накалялась, усиливаясь от полного, абсолютного непонимания причин происходящего.

— Нам нужен баллистик, — нарушила тишину Кармен из Мадрида, её молодой голос дрожал от волнения. — И лингвист. Тот, кто сможет понять, почему код шестнадцатеричный и почему траектория сместилась именно на полтора градуса. Давайте пока не звонить директору JPL, иначе базу Голдстоун просто закроют на карантин, а нас отстроят.

— У меня в Голдстоуне уже сидит АНБ, — горько усмехнулась Майя. — Но они ни чёрта не понимают в баллистике глубокого космоса. Слушайте... Есть идея. В России, в Жуковском живёт Ефимия. Она... Фима видит в коде музыку и знает полтора десятка языков и вообще если кто понимает тайны вселенной, то это только она. Если кто-то на этой планете и сможет понять, почему «Вояджер» развернулся назад, то только она.

Идея Майи была встречена мгновенным согласием. Через минуту защищённый коммутатор DSN сделал принудительный вызов на личный номер Ефимии.

Когда телефон Ефимии завыл сигналом экстренного приоритета, она вздрогнула и нажала на кнопку приёма, включив громкую связь.

— Ефимия слава богу, ты на месте, — быстро заговорила Майя из Калифорнии. — У нас ЧП планетарного масштаба. Вся сеть DSN — Канберра, Мадрид, Голдстоун — зафиксировала смещение вектора «Вояджера-1» на 1,5 градуса. Он транслирует неизвестный код и нацелен прямо на Землю. Нам нужна твоя помощь. Прямо сейчас.

— Полтора градуса... — эхом отозвалась Ефимия, и её длинные пальцы крепче сжали телефон. — Это не ошибка?

Разговор по телефонной конференции продолжался довольно долго. Несколько часов она выслушивала сбивчивые доклады трёх станций, анализировала куски сырого бинарного кода, которые Майя умудрялась пересылать в обход блокировок АНБ, и сверяли угловые скорости. Ефимия, включив свой уникальный лингвистический мозг, пыталась поймать внутренний ритм входящего пакета, но данные были слишком обрывочными. Она строила на планшете экстренные баллистические модели, но уравнения не сходились — для такого маневра «Вояджеру» потребовалась бы энергия целой звезды.

Понимание не приходило. Напряжение в виртуальной комнате достигло предела, люди начали срываться на крик, обвиняя друг друга в неверных замерах.

— Стоп! — громко и властно сказала Ефимия, и в её голосе внезапно прорезались те самые стальные нотки, которые когда-то помогали ей побеждать на рингах и укрощать лёд. Все три станции мгновенно замолчали. — В таком состоянии мы только наделаем ошибок. Данных слишком мало. Нам нужно время на обработку. Нужно прогнать эти координаты через топологические фильтры Лаврентьева, а мне — сопоставить структуру кода с архивами 1977 года.

— Но у нас тикает обратный отсчёт в Голдстоуне! — воскликнула Майя. — Осталось меньше суток!

— Вот именно, — отрезала Ефимия. — Сутки у нас есть. Решено: мы переносим это совещание на пару дней, точнее — берём паузу на сорок восемь часов для детального обдумывания ситуации и индивидуальных расчётов. Встречаемся на этом же канале в это же время. Всем собирать телеметрию и не паниковать.

Она отключила связь. В тишине было слышно только, как за окном шумит осенняя непогода. Атмосфера накалялась с каждой секундой, усиливаясь от полного, зловещего непонимания причин происходящего. Но девчонка, прошедшая через сломанную судьбу, боевые искусства, укрощение льда и холста была готова держать этот удар. Первая глава её новой, фантастической реальности была официально открыта.

Критический угол. Два дня тишины, взятые для обдумывания ситуации, пролетели для участников конференции как один затянувшийся, кошмарный сон. В Канберре Сиднейский залив затянуло штормовыми тучами, и Билл, запёршись в своей аппаратной, почти не спал. Из головы не выходил силуэт Эры у стойки регистрации, но профессиональный долг и липкий страх перед неизвестным заставили его вернуться к приборам. Когда подошло время контрольного замера перед повторной конференцией, Билл запустил скрипт позиционирования 70-метровой чаши. Он ожидал увидеть привычные, хоть и аномальные 1,5 градуса. Но когда на мониторе побежали свежие цифры, радиоастроном похолодел. Его сердце пропустило удар. Вектор направления на «Вояджер-1» сместился ещё сильнее. К своему ужасу, Билл увидел на экране жирную, немыслимую цифру — 3 градуса.

Аномалия не просто зафиксировалась, она прогрессировала с пугающей скоростью. Динамика была линейной и неумолимой. Билл, едва попадая по клавишам дрожащими от кофе и бессонницы пальцами, срочно передал свежие телеметрические данные в оба других телескопа — в Голдстоун и Мадрид. Ответ от Майи Лин и Альваро пришёл практически мгновенно. Калифорнийские и испанские датчики выдали точно такие же измерения. Ровно три градуса.

Все три станции окончательно впали в ступор. Это ломало последние рациональные теории о деформации антенны или локальных сбоях софта. Объект в глубоком космосе, двигавшийся сорок девять лет по строгой расчётной баллистической траектории, теперь буквально разворачивался по дуге, словно выполняя команду на разворот к дому. На компьютерах Голдстоуна зловещий таймер обратного отсчёта, синхронизированный с входящим сигналом, ускорил свой бег, подстраиваясь под новые параметры.

Майя, игнорируя грозные взгляды агентов АНБ, стоящих за её спиной, дрожащей рукой набрала прямой номер Ефимии.

— Фима, у нас катастрофа! — почти перешла на крик Майя, как только на том конце провода сняли трубку. — Полтора градуса больше нет. Угол составляет уже три градуса! Процесс ускоряется. Он сворачивает с траектории, слышишь?! Это конец, НАСА вот-вот объявит чрезвычайное положение, и нас всех закроют в бункерах!

На линии повисла секундная пауза. Станции в Канберре и Мадриде, подключённые к параллельному каналу, замерли, ожидая паники со стороны признанных авторитетов баллистики. Но реакция из России оказалась совершенно иной.

В динамике послышался спокойный, ровный и уверенный голос Ефимии, выросшей на жестких академических спорах с отцом, даже не дрогнув. На заднем фоне едва слышно переливались мотивы Рахманинова — Ефимия сидела за роялем, но музыка оборвалась, как только она заговорила:

— Три градуса, говорите? — спокойно, без тени волнения переспросила — значит, система вышла на вторую фазу баллистического резонанса. Всё идет именно так, как заложено в математической модели.

— В какой ещё модели?! — воскликнул из Сиднея Билл. — Он же летит обратно!

— Послушайте меня внимательно, все трое, — твёрдо и властно произнесла Ефимия, и в её голосе почувствовалась та самая несокрушимая уверенность учёного, который наконец-то

нашёл зацепку в сложнейшем уравнении. — Мне нужно ровно три дня. Не задавайте лишних вопросов. Соберите всю вашу выдержку в кулак. И самое главное — всё держите в строжайшей тайне. Никакого начальства, никаких официальных рапортов в Вашингтон или Мадрид. Если АНБ в Голдстоуне начнёт давить — Майя, тяни время, придумывай сбой в ионосфере, делай что угодно. Дайте нам эти семьдесят два часа. Мы знаем, что делать.

Она повесила трубку, оставив три континента в звенящем, шоковом молчании. Начался обратный отсчёт своего собственного маневра.

Три дня тишины. Внутри кондиционированного зала управления в Голдстоуне воздух, казалось, можно было резать ножом. Три градуса отклонения горели на главном мониторе Майи Лин как несмываемое клеймо. За её спиной, скрестив руки на груди, стоял агент Вэнс. Его тяжёлый взгляд буравил затылок девушки, а двое его подручных из АНБ методично сканировали трафик серверов телеметрии.

— Мисс Лин, — ледяным тоном произнес Вэнс, наклоняясь к её плечу. — Объясните мне, почему угол наведения продолжает расти, а ваши терминалы выдают каскад ошибок синхронизации? Министерство обороны требует чёткого отчёта: мы теряем контроль над спутниковой группировкой связи или это внешнее воздействие?

Майя внутренне сжалась, но барьер страха был уже пройден. В её голове стучали слова Фимы: *«Тяни время, придумывай что угодно»*. Ей нужно было совершить невозможное — виртуозно обвести вокруг пальца профессионалов безопасности, не выдав тайну о телефонной конференции и учёных в России.

— Агент Вэнс, — Майя резко повернулась в кресле, придав своему лицу выражение глубочайшего профессионального раздражения, — если ваши люди не перестанут зеркалить мой трафик, мы вообще потеряем сигнал. Происходит то, что в радиоастрономии называется **эффектом многолучевого ионосферного мерцания** на сверхнизких частотах. Солнечная вспышка класса X, зафиксированная двое суток назад, вызвала локальный разогрев плазмы над Мохаве. Для вас это три градуса ошибки, а для телескопа — обычное преломление радиоволны. Смотрите на графики фазовых шумов.

Она быстро застучала по клавишам, выводя на экран сложнейшие, заведомо запутанные математические маски и старые графики калибровок десятилетней давности. Она маскировала входящий пакет данных от «Вояджера» под обычный белый шум пустыни.

В это же время в Мадриде и Сиднее Альваро, Кармен и Билл вели свою тихую войну. Билл заблокировал удалённый доступ к логам Канберры, сославшись на внезапный отказ гидравлики приводов 70-метровой чаши. Кармен в Испании «случайно» пролила кофе на резервный пульт управления, спровоцировав короткое замыкание и выиграв полдня на технический аудит. Все три станции, затаив дыхание, отчаянно прикрывали Ефимию, рискуя своими карьерами и свободой. Каждый час давался им ценой колоссального нервного напряжения. Они лгали руководству, фальсифицировали отчёты и молились, чтобы математический тандем в России нашёл ответ.

Ровно через 72 часа в аппаратного Билла в Сиднее раздался тихий, зашифрованный зумер прямой связи. На часах было глубокое утро. Билл мгновенно сорвал трубку, параллельно подключая к каналу Мадрид и Голдстоун, где Майя только что сменилась с дежурства.

— Фима? — выдохнул Билл. — Время вышло. АНБ начинает копать под наши отчёты, угол почти замер, но код продолжает переписывать память наших систем. Вы что-нибудь поняли?

В трубке раздался глубокий вздох. Её голос больше не был абсолютно спокойным — в нём чувствовался колоссальный интеллектуальный восторг наполовину с предельной усталостью. Она не спала все эти трое суток.

— Билл, Майя, Альваро... Слушайте внимательно, — заговорила она. — Мне почти всё ясно. Наша гипотеза подтверждается. «Вояджер-1» не сошёл с ума и его никто не взла-

мывал. Тот код, который он шлёт — это не агрессия. Это... баллистическое зеркало. Аппарат использует гравитационное поле неизвестного, невидимого массивного объекта на границе гелиосферы — как пращу. Он совершает обратный маневр. Но чтобы рассчитать точную точку схождения этого сигнала на Земле и понять, *что именно* он нам транслирует, стандартных уравнений не хватает.

— Что вам нужно? — быстро спросила Майя, косясь на дверь, за которой ходили агенты.

— Нам нужна третья точка, — и её голос прозвучал звеняще-чётко. — Пространственная триангуляция по трём станциям дает погрешность. Нам нужны чистые, неискаженные данные с европейского узла, но не из Мадрида, который сейчас глушат военные частоты НАТО. Нам нужен чистый массив данных из России. Из Сибири. Из радиоастрономического центра в России. Папа сможет подключить их архивные замеры, но на сопряжение систем и верификацию модели нам нужно... еще 72 часа.

— Ещё трое суток?! — Билл схватился за голову. — Ребята, нас арестуют завтра же! Вэнс в Голдстоуне уже затребовал ордер на полную изоляцию персонала!

— Держитесь, — отрезала Ефимия, и в её интонациях Майя отчётливо услышала волю человека, который привык побеждать вопреки любым прогнозам и обстоятельствам. — Спрячьте данные, имитируйте полный отказ Сети дальней связи, делайте что угодно. Но дайте нам эти три дня. Если мы правы, космос говорит с нами на языке, который мы обязаны расшифровать до конца.

На линии воцарилась тишина. Три дня тишины закончились, но впереди были новые 72 часа — самые длинные и опасные в истории человечества. Сеть DSN уходила в полное подполье.

Калифорнийский допрос. Пока в тишине калифорнийского Голдстоуна назревала буря, а на часах шёл **сентябрь 2026 года**, Ефимия набрала самый важный номер в своей жизни:

— Папа, привет. Мне очень нужен твой совет, — Ефимия старалась говорить ровно, но Александр по интонации дочери мгновенно понял: это не обычный семейный звонок. В её голосе звенела та самая предельная концентрация, с которой она когда-то выходила на ринг или на олимпийский лёд.

Лена подробно изложила отцу всю картину: три градуса отклонения, изменённую шестнадцатеричную структуру пакета и странное «зазеркалье» баллистической траектории. В самом ЦАГИ не было мощных радиотелескопов дальней связи, способных напрямую поймать 22-ваттный шепот «Вояджера-1», поэтому все накопленные замеры и сырые массивы данных из Канберры и Мадрида она передала отцу параллельно через защищённый институтский шлюз.

Старый профессор слушал молча, лишь тяжело и прерывисто дыша в трубку. На его рабочем столе легли распечатки матриц, присланных дочкой. Александр, укротивший в своей жизни не один гиперзвуковой поток, сопоставил поведение радиоволны с поведением газа в экстремально сжатых средах.

— Фимочка... — наконец заговорил Александр, и его голос был глухим от потрясения. — Ты права. Твоя гипотеза верна на сто процентов. Это чистая баллистика, но связанная с отражением от гравитационной линзы. На самой границе гелиосферы, куда долетел «Вояджер», пространство искривлено объектом колоссальной плотности — возможно, блуждающей субмикроскопической чёрной дырой или сгустком тёмной материи. Аппарат попал в её гравитационный колодец. Сигнал, который вы принимаете, не просто идёт обратно. Пространство за завихрением линзы сработало как идеальное баллистическое зеркало. Космос сфокусировал «Вояджер» обратно на Землю, как линза фокусирует солнечный луч. Но чтобы понять, что внутри этого луча, нужна третья баллистическая координата — точка входа фронта волны на геоид Земли. И эти 72 часа, что ты просишь — ваш единственный шанс.

Александр на секунду замолчал, а затем его голос стал жёстким, как сибирский мороз:

— И ещё. Отец даёт вам главный совет: военным и вашему АНБ пока ни о чём не сообщать. У этих людей в фуражках другие алгоритмы в головах. Они не увидят научного чуда или сигнала. Они увидят угрозу национальной безопасности. В Пентагоне или Кремле — неважно, они мыслят одинаково. Если они вмешаются сейчас, то перекроют частоты, включают глушилки радиоэлектронной борьбы, попытаются перехватить управление и точно сразу наломают дров, уничтожив уникальные данные. Держите тишину любой ценой.

Страсти накалялись. россияне подтвердили правоту баллистической модели, но это знание теперь жгло руки. Учёные фактически пошли против правительств своих стран ради спасения величайшей тайны Вселенной. А в это же самое время на другом конце Америки, в душном и стерильном кабинете безопасности Голдстоуна, Майя Лин сидела под прицелом тяжёлого взгляда агента Вэнса. Её зажали в угол.

— Мисс Лин, давайте начистоту, — Вэнс швырнул на стол папку с распечатками её сетевой активности. — Мы проверили ваши логи. Вы трижды связывались с Мадридом и Канберрой по незарегистрированным каналам. А час назад зафиксирован исходящий зашифрованный пакет данных на адреса российских граждан. Вы занимаетесь промышленным или военным шпионажем в пользу третьих лиц, Майя? Вы сливаете телеметрию НАСА? На кого вы работаете?

Ситуация была критической. Один неверный ответ — и Майю увезут в федеральную тюрьму, связь с Ефимией прервётся, а проект DSN заблокируют. Майе пришлось применить хитрую, виртуозную лингвистическую и техническую уловку. Она устало потёрла глаза, сняла очки и посмотрела на Вэнса с выражением глубокого, почти снисходительного презрения, какое бывает только у узких специалистов перед дилетантами:

— Агент Вэнс, вы и ваши аналитики из АНБ... вы вообще умеете читать баллистические маркеры? — Майя хмыкнула, заставив следователя на секунду нахмуриться. — Те российские граждане, о которых вы говорите — это Ефимия и её отец, ведущие контрактные инженеры НАСА по программе Artemis I и Mars 2020. Я отправила им пакет, потому что автоматика Голдстоуна зафиксировала критическую ошибку в расчёте угловых траекторий, из-за которой наши 34-метровые антенны через двое суток начнут слепнуть. Я пытаюсь спасти многомиллиардное оборудование от калибровочного сдвига, пока вы ищете шпионов там, где их нет. Если вы сейчас изолируете меня или заблокируете шлюз в Россию, завтра утром вся дальняя связь США с Марсом и Луной просто отключится. Вы готовы взять на себя эту ответственность перед Конгрессом?

Вэнс замер. Майя виртуозно сыграла на главном страхе любого высокопоставленного чиновника — страхе совершить бюрократическую ошибку, которая уничтожит космический престиж страны. Агент посмотрел на распечатки кодов, в которых он ничего не понимал, затем на уверенное, злое лицо молодой китаянки.

— Хорошо, мисс Лин, — медленно произнес Вэнс, убирая папку. — Я даю вам еще 72 часа на «устранение калибровочного сдвига». Но если через три дня ваши антенны не вернуться в норму, вы продолжите этот разговор в наручниках.

Майя вышла из кабинета допроса на негнущихся ногах. Её спина была мокрой от холодного пота. Она выиграла эти вторые 72 часа для Ефимии. Секундомер Вселенной продолжал отсчитывать время до финального слияния частот, и российский узел Александра уже начал обратный расчёт траектории гравитационного зеркала.

Земное притяжение. Сидней тонул в субтропическом ливне. Огромные капли с грохотом разбивались о панорамные стекла терминала аэропорта Кингсфорда Смита, за которыми в серой дымке застыли силуэты лайнеров. Билл стоял посреди шумящей человеческой массы, сжимая в руке замолчавший телефон.

Только что Ефимия жёстко отрезала: *«Дайте нам эти три дня»*. Старый российский профессор Александр предупредил о катастрофических ошибках военных, а Майя в Калифорнии шла на допрос к спецслужбам. Весь мир, опутанный невидимыми радиоволнами, стоял на пороге тектонического сдвига. Через 72 часа «Вояджер-1», отразившись от ледяного гравитационного зеркала на краю гелиосферы, должен был замкнуть петлю времени и баллистики.

Билл посмотрел на экран мобильного, где зловеще мигал значок Red Alert, а затем поднял глаза на Эру. Она всё ещё стояла перед ним — тонкая, беззащитная под безжалостным неоновым светом аэропорта, сжимая в пальцах билет до Окленда. В её глазах застыли слезы и глухое, многолетнее разочарование.

И в этот момент внутри тридцатидвухлетнего учёного что-то окончательно перевернулось. Понимание скорого, неизбежного финала старого мира не напугало его, а, наоборот, принесло абсолютную, бритвенно-острую ясность. На рубеже грандиозных космических потрясений вся геополитика, секретные коды DSN, АНБ и даже полтора градуса аномалии «Вояджера» вдруг показались мелкими, ничтожными песчинками по сравнению с тем, что происходило здесь и сейчас. Что толку разгадывать загадки Вселенной, если в этой самой Вселенной ты остаешься абсолютно один?

Билл сделал шаг вперед. Он решительно перевел телефон в авиарежим, заставив выть экстренную сирену НАСА навсегда замолкнуть, и спрятал его глубоко в карман куртки.

— Эра, — сказал он, и его голос больше не дрожал. В нём появилась та самая спокойная, заземляющая сила, которой баллистик Дима укрощал космический хаос. — К чёрту космос. К чёрту НАСА. Пусть увольняют.

Эра удивленно моргнула, когда Билл подошёл вплотную и мягко, но крепко взял её за руки. Его ладони были тёплыми.

— Билл, твой телефон... Там же что-то серьезное? — растерянно шепнула она, глядя на его карман.

— Там — пустота, — Билл покачал головой, глядя ей прямо в глаза — десять лет я искал сигналы за миллиарды километров от Земли. Изучал мёртвые планеты, ловил шёпот зондов, которые никогда не вернутся. И только сейчас, когда всё это готово взлететь на воздух, я понял. Настоящее притяжение — оно не в чёрных дырах и не в гравитационных линзах. Оно здесь. Между мной и тобой.

Эра всматривалась в его лицо, пытаясь найти привычную маску погруженного в цифры астронома, но перед ней стоял другой человек. Человек, который только что добровольно отказался от главного открытия своей жизни ради неё.

— Я вёл себя как идиот, — продолжал Билл, бережно убирая мокрую от дождя прядь с её лба. — Я думал, что масштаб моих задач оправдывает мою глухоту к твоим словам. Но если завтра этот мир изменится — а он изменится, поверь мне, — я хочу встретить этот новый мир, держа тебя за руку. Не улетай. Давай прекратим этот мелкий, глупый раздор. У нас есть ровно 72 часа тишины. Давай проживём их так, словно мы — единственные люди на этой планете.

Билет на самолет медленно выскользнул из ослабевших пальцев Эры и упал на глянцевый пол терминала. Она сделала этот единственный, самый важный шаг навстречу и крепко обняла его, пряча лицо на его груди. Билл почувствовал, как её плечи мелко задрожали от беззвучных слёз, но это были уже другие слёзы — слёзы облегчения. Обида, копившаяся месяцами, растаяла под воздействием мощнейшего земного притяжения, против которого были бессильны любые законы физики.

Они вышли из здания аэропорта под проливной сиднейский дождь, крепко держась за руки, и поехали в свой маленький домик на побережье. Пока в Калифорнии Майя вела опасную игру со спецслужбами, а в России Ефимия с отцом штурмовали уравнения баллистического узла, Билл и Эра дали человечеству шанс. Они доказали, что живые чувства всегда выше любых проблем в космосе.

А тем временем на часах невидимого таймера Вселенной начали истекать последние, самые главные 72 часа.

Прозрение Александра. Ночь дышала прохладой, а над золотыми кронами сосен раскинулось глубокое, чистое небо. Александр сидел в своем домашнем кабинете, заваленном старыми чертежами и графиками гиперзвуковых течений. Но перед ним лежали не технические паспорта аэродинамических труб.

Профессор достал из самого дальнего, запертого ящика стола пожелтевшие от времени, хранившиеся у него десятилетиями труды выдающихся советских академиков — Михаила Михайловича Лаврентьева и Влаиля Петровича Казначеева. В конце XX века этих великих ученых незаслуженно, огульно обвиняли во лженауке, подвергали жёсткой критике в прессе и пытались вычеркнуть их имена из официальных учебников за то, что их смелые гипотезы выходили далеко за рамки законов классической физики.

Александр бережно перелистывал страницы, исписанные ровным почерком, сверяя их с матрицами, которые ему прислала дочь. И чем дальше он углублялся в расчёты, тем отчётливее понимал: сибирские титаны науки были абсолютно правы.

Космос — это не пустое, мёртвое пространство, заполненное редким газом и каменными глыбами, и его структура совсем не та классическая, общепринятая, механистическая модель, которой баловались в НАСА. Согласно концепции Казначеева и математическим топологиям Лаврентьева, Вселенная являлась единым информационно-биологическим полем. Гравитационная линза на краю гелиосферы, в которую угодил «Вояджер-1», была не чёрной дырой, а естественным узлом этой колоссальной живой сети — своеобразной точкой резонанса, которая уловила человеческий зонд, как чувствительный рецептор. Потребовалось почти пятьдесят лет, чтобы импульс прошёл по этой нервной ткани космоса и вернулся обратно к источнику, многократно усилившись.

— Они были правы... Господи, как же они были правы, — прошептал Александр, чувствуя, как по спине пробежал холодок истинного научного открытия. Спецслужбы и военные искали шпионов и хакеров, а космос просто пытался ответить человечеству на его собственном, живом языке.

«Маша, Медведь и фрактальный шок АНБ». Калифорния. База Голдстоун. 72 часа, выбитые Майей Лин у спецслужб, истекали с точностью хронометра. Агент Вэнс стоял за её спиной, буравя взглядом мониторы. Его подручные из АНБ уже приготовили ордера и наручники. Напряжение достигло апогея. По всем признакам, американские военные системы вот-вот должны были зафиксировать массированную хакерскую атаку, и Вэнс держал палец на кнопке полного отключения базы от глобальной сети.

Но Ефимия, зная психологию «людей в фуражках», о которой её предупреждал отец, решила действовать на опережение. Ей нужно было выиграть те самые финальные несколько минут, для сведения сибирских уравнения Лаврентьева в единый дешифровочный ключ. Сейчас будет весело, — хитро прищурилась она и запустила по закрытому каналу DSN модифицированный цифровой пакет.

В эту же секунду в Калифорнии на всех секретных мониторах АНБ, включая личный планшет Вэнса, изображение траекторий «Вояджера» внезапно схлопнулось. Вместо сухих цифр на экранах правительственных систем на полную громкость под оглушительный оркестровый проигрыш расцвела залитая солнцем лесная опушка, и на весь зал управления раздался звонкий, до боли знакомый каждому русскому человеку детский голосок:

— Счас я буду кушать, счас меня покормят! Ма-а-аша!

Посреди сверхсекретной базы НАСА в Мохаве начался показ культового мультфильма «Маша и Медведь». Но Ефимия не была бы гениальным лингвистом, если бы просто вклю-

чила мультик. Код анимации был виртуозно модифицирован под текущую баллистическую проблему.

На главном экране нарисованная Маша в розовом сарафане, вооружившись огромной лупой, ползала по лесу и искала следы. При этом вместо заячьих отпечатков на земле красовались... трехмерные векторы смещения «Вояджера» на 3 градуса. Ошалевший Медведь в это время испуганно хватался за голову, пытаясь удержать падающий деревянный радиотелескоп, на котором огромными буквами было написано «АНБ».

— Что за чертовщина?! — Вэнс подпрыгнул на месте, едва не выронив рацию. — Мисс Лин! Это что, русская кибератака?! Нас взломали спецслужбы Кремля?! Срочно изолировать сектор!

Агенты АНБ в панике застучали по клавиатурам, пытаясь перехватить управление, но модифицированная Маша на экране лишь погрозила им пальцем, звонко рассмеялась и выдала: «Ух, я такая скорая на помощь!». Системы блокировки АНБ оказались бессильны против балетного ритма кода Елены. Вэнс менялся в лице каждые пять секунд — от багрового гнева до полной растерянности. Спецслужбы США, готовившиеся отражать удар новейших военных вирусов, были намертво парализованы маленькой девочкой из сибирского мультфильма.

Майя Лин, из последних сил сдерживая гомерический хохот, испуганно закричала:

— Агент Вэнс, это не вирус! Это... это калибровочный фантомный резонанс перегрузил видеопамять! Не трогайте ничего, иначе процессоры сгорят!

И пока на экранах Голдстоуна Маша варила кашу, захватывая всё новые и новые серверные блоки, в России Ефимия с отцом завершили дешифровку.

Внезапно мультфильм оборвался. Звонкий детский смех растаял.

Экран Вэнса, планшеты агентов и колоссальные мониторы Голдстоуна синхронно вспыхнули мягким, глубоким сине-зелёным светом. На смену Маше пришла совершенно иная реальность. Всё пространство мониторов начала заполнять фрактальная геометрия живого космоса.

Это не было похоже на компьютерную графику или рукотворный код. По экранам плавно разворачивались бесконечные, дышащие пульсирующие спирали, напоминающие одновременно структуру человеческой ДНК, узоры на срезе гватемальского жадеита и вихревые потоки воздуха в гиперзвуковой трубе Александра. Фракталы двигались в идеальном, завораживающем ритме. Динамики телескопов больше не выдавали шипение — из них полилась чистая, многомерная звуковая волна, похожая на Рахманиновский концерт, но исполненный самой Вселенной.

Вэнс и его агенты застыли с открытыми ртами. Оружие, наручники, протоколы допросов — всё это мгновенно потеряло смысл. На лицах суровых силовиков отразился первобытный, детский священный трепет. Они смотрели не на угрозу национальной безопасности. Они смотрели на живое лицо Вселенной, которая впервые заговорила с Землей, используя формулы сибирских ученых.

Майя Лин медленно надела очки, её лицо светилось от гордости:

— Ну что, агент Вэнс... Запишите в свой отчет: «Калибровочный сдвиг устранен». Космос вышел на связь.

Историческая справка о Вояджерах:

Для приема и отправки сигналов на «Вояджеры» НАСА использует не один конкретный прибор, а целую глобальную наземную систему — **Сеть дальней космической связи (Deep Space Network, DSN)**.

Главными «инструментами» для улавливания сигналов являются **гигантские параболические радиотелескопы (антенны)**, расположенные в трех точках планеты (чтобы Земля при вращении не теряла контакт с зондами):

Голдстоун (пустыня Мохаве, Калифорния, США);

Мадрид (Испания);

Канберра (Австралия).

Основные технические приборы системы:

70-метровые тарелки (главное оружие): На каждом из трех комплексов установлена одна сверхмощная антенна диаметром **70 метров** (например, знаменитая антенна *DSS-43* в Австралии). Сигнал от «Вояджеров» доходит до Земли невероятно слабым — его мощность в миллиарды раз меньше, чем батарейка от электронных наручных часов. Собрать этот «шёпот» могут только такие колоссальные чаши.

Сверхчувствительные криогенные приемники: Наземные антенны оснащены приемниками, которые охлаждаются жидким гелием практически до абсолютного нуля (около -269°C). Это необходимо, чтобы тепловой шум собственной электроники НАСА не заглушил слабый космический сигнал.

Связка из 34-метровых антенн (массивы): Когда 70-метровые антенны заняты другими миссиями, НАСА объединяет несколько меньших, 34-метровых тарелок в единый массив, чтобы суммировать их мощность для приема данных.

Уникальность «Вояджера-2»: Из-за своей траектории полёта «Вояджер-2» ушёл глубоко в южную небесную полусферу. Передавать ему команды и принимать данные в полной мере может **только комплекс в Канберре (Австралия)**, так как из Калифорнии и Испании аппарат просто не виден.

На стороне самого аппарата сигнал отправляет **3,7-метровая параболическая антенна** с помощью передатчика мощностью всего 22 Ватта (как тусклая лампочка от холодильника).

Справка о проекте Вояджер и его сегодняшнее скорость и дальность:

Программа «Вояджер» (Voyager) — это одна из самых успешных и продолжительных миссий в истории освоения космоса, запущенная НАСА в 1977 году. Два одинаковых аппарата — «Вояджер-1» и «Вояджер-2» — изначально создавались для исследования планет-гигантов (Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна), но в итоге превзошли все ожидания, покинули пределы гелиосферы (защитного «пузыря» Солнца) и вышли в межзвездное пространство.

На сегодняшний день (сентябрь 2026 года) космические аппараты находятся на следующих расстояниях и движутся со следующими скоростями:

Текущие параметры аппаратов

Параметр

«Вояджер-1» (Voyager 1)

«Вояджер-2» (Voyager 2)

Расстояние от Земли

~25,7 млрд км (171,7 а.е.)

~21,5 млрд км (143,5 а.е.)

Скорость (относительно Солнца)

~17,0 км/с (~61 100 км/ч)

~15,3 км/с (~55 000 км/ч)

Время сигнала в одну сторону

~23 часа 48 минут

~19 часов 53 минуты

Примечание: Из-за вращения Земли вокруг Солнца расстояние между планетой и зондами в определённые периоды года может временно уменьшаться (Земля «догоняет» их на своей орбите со скоростью 30 км/с), но общая траектория аппаратов неизменно ведёт прочь из Солнечной системы.

Краткая справка о проекте

Дата запуска: «Вояджер-2» стартовал раньше — 20 августа 1977 года, а «Вояджер-1» — 5 сентября 1977 года по более быстрой траектории.

Главные достижения:

«Вояджер-1» первым сделал детальные снимки спутников Юпитера и Сатурна, обнаружил активные вулканы на Ио и плотную атмосферу Титана. В 2012 году он стал первым рукотворным объектом, вышедшим за пределы гелиосферы в межзвездную среду.

«Вояджер-2» — единственный в истории аппарат, добравшийся до **Урана (1986)** и **Нептуна (1989)**. В межзвездное пространство он вышел в 2018 году.

Историческая веха (ноябрь 2026): Ожидается, что 18 ноября 2026 года «Вояджер-1» преодолеет знаковый рубеж — расстояние в один световой день от Земли (25,9 млрд км). Радиосигнал до него будет идти ровно 24 часа в одну сторону.

Послание внеземным цивилизациям: На борту каждого аппарата закреплена Золотая пластинка — позолоченный медный диск с записью звуков Земли (приветствия на 55 языках, музыка, голоса природы, координаты Солнечной системы) на случай встречи с инопланетным разумом.

Что с ними сейчас?

Аппараты работают уже почти 50 лет. Их радиоизотопные термоэлектрические генераторы постепенно угасают, из-за чего инженерам NASA приходится поочередно отключать научные приборы и обогреватели для экономии энергии. Ожидается, что зонды смогут поддерживать связь с Землей примерно до начала 2030-х годов, после чего они окончательно замолкнут, но продолжат свой бесконечный полёт в темноте космоса.

Какие научные приборы все еще работают на борту аппаратов:

На борту обоих космических аппаратов изначально было установлено по 10 одинаковых научных комплексов. Все камеры и оптические приборы, делавшие знаменитые снимки планет, были навсегда отключены ещё на рубеже 1980–1990-х годов за ненадобностью в пустом межзвёздном пространстве.

Из-за критического падения мощности ядерных батарей (РИТЭГов) инженерам приходится отключать оставшиеся приборы. Ситуация с работающими инструментами выглядит следующим образом:

«Вояджер-1» — Работают 2 прибора

В апреле 2026 года NASA было вынуждено отключить датчик низкоэнергетических заряженных частиц (LECP). На данный момент собирают данные всего два инструмента:

Магнитометр (MAG): Измеряет силу и направление магнитных полей в межзвездной среде.

Приемник плазменных волн (PWS): Исследует плотность электронов в окружающем пространстве, буквально улавливая «гул» глубокого космоса.

«Вояджер-2» — Работают 3 прибора

Благодаря успешно проведенной летом 2026 года инженерной операции «Большой взрыв» (когда NASA переключило систему обогрева топливных магистралей на менее энергоёмкие элементы), аппарату временно сохранили все три оставшихся инструмента:

Магнитометр (MAG)

Приемник плазменных волн (PWS)

Детектор космических лучей (CRS): Ищет самые высокоэнергетические частицы, прилетающие от далеких звезд. *(Изначально его планировалось отключить в 2026 году, но экономия энергии позволила отложить этот шаг минимум на год).*

Приборы низких энергий (LECP и детектор плазмы PLS) на «Вояджере-2» уже отключены для экономии энергии.

3. Гравитационный тупик.

Жуковский, Россия. На экране ноутбука фрактальные спирали живого космоса внезапно замерли, выстроившись в безупречную сферическую топологическую модель. Код Лаврентьева завершил дешифровку. В наступившей мёртвой тишине было слышно только, как капли дождя стучат в окно.

Ефимия смотрела на финальный перевод матрицы, и её уникальный лингвистический мозг, обученный видеть скрытые структуры в хаосе звуков и символов, мгновенно считал главный, оглушительный манифест Вселенной. Это знание не было формулой — оно было откровением, перевернувшим всю историю человеческого существования.

— Дааа — шёпотом произнесла она, и её тонкие пальцы непроизвольно сжали холодный зелёный камень. — Судя по граничным условиям уравнения, они не рассчитывали траекторию полёта. Они сняли показания с границы «пузыря».

Она медленно поднялась с кресла. Её лицо было бледным, а глаза — расширенными от интеллектуального шока. Как математик, она видела безупречность выкладок. Сибирские формулы Лаврентьева и концепция «живого вещества» Казначеева сошлись в одной финальной точке, обнажив фундаментальную истину.

«Вояджер-1» не просто столкнулся с гравитационной линзой. На расстоянии 25 миллиардов километров от Земли, на самой кромке гелиосферы, аппарат упёрся в физический предел нашей реальности.

Ответ живой Вселенной, который они только что дешифровали, гласил: вся наша Солнечная система находится внутри замкнутого, сферического гравитационного кокона. Этот колоссальный кокон изолирует нас от истинного макрокосмоса. А всё то, что человечество на протяжении тысячелетий считало бескрайней Вселенной — далекие галактики, туманности, взрывы сверхновых и миллиарды чужих звёзд — на самом деле проецируется на внутреннюю поверхность этого кокона извне.

Мир, который люди видели в свои мощнейшие телескопы, включая «Хаббл» и «Джеймс Уэбб», оказался грандиозной, безупречной иллюзией. Человечество жило внутри гигантской космической голограммы. Мы были заперты в идеальной, защищённой «скорлупе», а сигналы, которые мы посылали во внешнюю темноту, просто отражались от её стенок, возвращаясь обратно в изменённом виде.

— Великий Боже... — Она опустила руки на стол, глядя на трёхмерную проекцию сферы, внутри которой крошечная точка Солнца была окружена искусственной картинкой звёздного неба. — Значит, Альберт Эйнштейн был прав. Его знаменитая фраза... Она ведь была не метафорой.

Ефимия медленно встала и подошла к окну, вспомнив цитату великого физика, которую они когда-то читали в архивах Пасадены: *«Действительность — это иллюзия, хотя и очень стойкая»*.

Эйнштейн знал. Или догадывался. Истинная реальность находилась там, за пределами гравитационного барьера, а человечеству в его колыбели пока демонстрировали лишь красивый, завораживающий слайд-шоу на небесном своде, чтобы наш разум рос и развивался в безопасности, защищённый от пугающих масштабов настоящего, живого информационного поля космоса.

Через час она снова активировала закрытую конференцию DSN, подключая три континента.

В Сиднее Билл сидел на веранде своего дома, крепко обнимая Эру. Дождь закончился, над океаном вставало чистое утреннее солнце. Услышав постулаты расшифровки, Билл лишь тихо рассмеялся, прижимая любимую к себе ещё крепче. Мелкие раздоры, карьера, НАСА — всё это окончательно растаяло. Какая разница, из чего состоит видимая Вселенная, если единственная реальность, имеющая значение — это тепло руки человека, которого ты любишь?

В Калифорнии Майя Лин перевела взгляд на агента Вэнса. Суровый силовик из АНБ всё ещё стоял перед экраном, на котором медленно угасала фрактальная геометрия, сменяясь ровными строками переведенного Леной текста. Вэнс молча снял свою фуражку, аккуратно положил её на пульт управления Голдстоуна и впервые за все дни глубоко, свободно вздохнул. Военные доктрины, шпионские заговоры, Пентагон — всё рухнуло перед лицом того, что Земля оказалась общей детской комнатой в бескрайнем доме. Ломать дрова и воевать больше не имело смысла.

А в России, в тишине кабинета, Александр подошёл к окну. Он посмотрел на вековые сосны, уходящие верхушками в чёрное ночное небо. Великие Лаврентьев и Казначеев, которых когда-то клеймили за «лженауку», теперь праздновали свой абсолютный, посмертный триумф. Космос оказался живым. Космос ответил.

Ефимия подошла к лампе и подняла к свету свой медальон из гватемальского жадеита. Камень больше не казался куском холодной породы. В его зелёных глубинах, отражавших свет мониторов, ей виделась точно такая же фрактальная сфера, внутри которой родилась, выросла и наконец-то всё поняла простая девчонка.

Судьба, когда-то сломанная балетмейстером в шесть лет, сделала свой финальный, безупречный круг. Страсть созидания победила иллюзию пространства и времени. Человечество сделало первый шаг к настоящему пробуждению.

Когда «Вояджер-1» подошёл к невидимому барьеру на расстоянии 25 миллиардов километров от Земли, он не просто наткнулся на препятствие. Он начал входить в пограничную зону, где плотность пространства-времени резко менялась. Плотная, искривленная гравитационная «стенка» кокона стала оказывать на лёгкий 800-килограммовый аппарат колоссальное боковое воздействие.

Именно это влияние физического купола нашей изоляции и заставило зонд постепенно сойти с расчётной математической траектории. Вместо прямолинейного движения в бесконечную пустоту аппарат начал плавно скользить по внутренней поверхности этой невидимой сферы. Это гравитационное скольжение и зафиксировали сверхчувствительные радиотелескопы в Канберре, Мадриде и Голдстоуне: сначала как едва заметную ошибку в 1,5 градуса, которая за несколько дней из-за крутизны барьера прогрессировала до критических 3 градусов.

Учёные на Земле увидели не сбой электроники, а реальное, физическое сопротивление границы нашего мира. «Вояджер» буквально «чиркнул» крылом по краю голографического аквариума, пустив по нему рябь, которую, Ефимия и Александр смогли расшифровать.

Чтобы выйти из кокона и взглянуть на настоящую вселенную, требовалось пробить его скорлупу, как это делают птенцы, созрев для реальной жизни. И Александр садится за про-

ект, способный реализовать эту программу. Необходимо создать ракету, которая доставит этот «ключ» к стене гравикокона и на субсветовой скорости проклюнет её. Первые расчёты показали, чтобы разогнать бронекапсулу до такой скорости ракета должна иметь не менее 100 ступеней. Он понимает: Россия может изготовить уникальную сверхпрочную миникапсулу, рассчитать и реализовать термоядерный микровзрыв каждой ступени, но вывести на опорную земную орбиту его колоссальный 100-ступенчатый носитель миникапсулы («матрешку»), может только SpaceX со своей Starship. С этими цифрами Александр решил обратиться напрямую к Маску в Бока-Чика (Техас).

4. Формула созидания. Код Ефимии.

Ефимия. Полёты во сне и наяву. В доме, где пахло чертёжной тушью, старыми монографиями ЦАГИ и канифолью, законы физики были не просто строчками из учебников — они были членами семьи. Отец, Александр, мог часами рассказывать за ужином о поведении воздушных потоков на транззвуковых режимах, а мама легко оперировала уравнениями Навье — Стокса для дозвука. Маленькая Ефимия росла в мире, где у всего была жёсткая математическая логика. У всего, кроме её собственных ночей.

Она помнила это лет с трёх. Сначала это было похоже на падение вверх. Стоило сну опуститься на веки, как её детское тело теряло вес. Внутреннее ухо больше не подчинялось гравитации. Она плавно отделялась от постели и поднималась к потолку.

До четырёх-пяти лет её «маршрут» был ограничен четырьмя стенами детской. Ефимия зависала под самым потолком, разглядывая люстру с хрустальными подвесками, которые в свете уличного фонаря казались сложными геометрическими призмами. Больше всего её поражал вид внизу: на кровати, укрытая байковым одеялом, лежала она сама. Маленькая девочка с растрёпанными волосами, безмятежно сопящая во сне. В те моменты Ефимия не знала слова «дуализм» или «астральная проекция». Для неё это была просто иная форма существования — безвизовая зона внутри кубического пространства комнаты.

Но после пяти лет невидимые стены рухнули.

Полёты стали забирать её дальше. Сначала это были соседние комнаты: она видела отца, заснувшего прямо за рабочим столом над чертежами новой аэродинамической трубы, слышала мерный гул холодильника на кухне. Затем она научилась проходить сквозь стекло и бетон.

Её ночные путешествия со временем стали практически неограниченными. Она могла нестись над ночной Москвой, ловя серебряные отблески трамвайных рельсов, или проноситься над тёмными массивами сибирской тайги, чувствуя колоссальное, почти осязаемое дыхание Земли. Она не могла управлять этими полётами. Её несло неведомым течением — словно баллистический снаряд, выпущенный чужой волей. Пространство вокруг неё закручивалось, сжималось и расправлялось по законам, которые её детский ум ещё не мог перевести на язык формул. Ефимия понимала далеко не всё, что видела. Земля сверху порой казалась ей не шаром, а странным, мерцающим узором, сотканным из тысяч световых нитей. Просыпаясь, она часто забывала детали: названия городов, лица случайных прохожих внизу, цвет облаков. Память стирала координаты, но всегда оставляла нетронутым главное — абсолютную, математическую точность восприятия себя. Где бы она ни летела, она видела себя. И не только спящей в своей постели.

Иногда, пролетая над каким-то незнакомым сквером, она вдруг видела внизу девочку, которая сидела на лавочке и горько плакала, прижимая к себе разбитую коленку. Присмотревшись, Ефимия узнавала в ней себя — это было её прошлое, случившееся год назад.

Но гораздо сильнее её завораживали другие моменты. Прорываясь сквозь пелену сонных туманов, она внезапно оказывалась в пространствах, которых ещё не существовало в её памяти. Она видела взрослую девушку со стройной осанкой, балетной грацией и тонкими,

чуткими пальцами, которая стояла перед огромным холстом или уверенно выводила сложные иероглифы на доске. Девушка смотрела на формулы не как на текст, а как на объемные, многомерные коды. И эта взрослая Ефимия из недалекого будущего иногда словно чувствовала взгляд сверху, на секунду поднимая глаза к небу.

Эти полёты не пугали её. Они манили своей тайной, даря ощущение, что привычный, осязаемый мир — лишь тонкая ширма, за которой скрывается колоссальная, непостижимая архитектура Вселенной. Архитектура, код к которой ей ещё только предстоит подобрать.

Рождение геометрии балета. Четырёхлетняя Ефимия не замечала холода. Январский мороз колол щёки, а ветер бросал в лицо горсти жёсткого, колючего снега, но девочка упрямо шагала вперед. Зажав свою крошечную ладошку в огромной, надёжной руке отца, она почти летела по сугробам, едва касаясь земли носками маленьких сапожек. Александр шагал размашисто, прикрывая дочь от порывов ветра полой своего тяжёлого пальто, а она едва успевала за ним, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение чего-то огромного.

Папа вел её в «Октябрь» — старенький, еще сталинской постройки Дворец культуры. За массивными дубовыми дверями скрывался совершенно иной мир.

Там пахло старым натёртым паркетом, мастикой, шерстяными трико и резким, сладковато-горчащим запахом подгоревшего балетного клея, на котором держались жёсткие носки пуантов. Это не было обычной детской потребностью двигаться под музыку или желанием наряжаться в пышную пачку.

В тот год в зеркальном классе, под дребезжащие, плоские звуки расстроенного пианино, в Ефимии проснулось то, что позже наставники назовут железным стержнем, а биографы — страстью созидания. Она создавала красоту из ничего, из чистого воздуха и напряжения маленьких мышц. Дома, засыпая под вой метели, она видела во сне только сцену — огромную, залитую светом рампы, где она была не просто танцовщицей, а творцом собственного вселенского порядка. Это не было обычной детской потребностью двигаться под музыку или желанием наряжаться в пышную пачку. Для четырёхлетней девочки балет внезапно стал языком. Языком, на котором её душа, еще не знавшая взрослой боли, разочарований и законов земного притяжения, могла говорить с миром.

Пока другие дети в группе капризничали, отвлекались, тёрли заплаканные глаза и путались в собственных непослушных ногах, Ефимия замороженно смотрела на анфиладу бесконечных отражений в огромных, от пола до потолка, зеркалах. Она смотрела не на себя — она изучала пространство. Девочка видела, как хаос ломаных, случайных детских движений под действием её собственной, ещё только зарождающейся воли вдруг превращается в строгую, звенящую геометрию. Первая позиция. Вторая. Плие. Каждый жест требовал колоссальной концентрации. Она интуитивно поняла: линия руки, продолженная взглядом, уходит в бесконечность. Носок, тянувшийся к полу, фиксирует точку в пространстве, как циркуль на чертежах отца.

Ефимия создавала красоту из ничего — из чистого воздуха, преодоления силы тяжести и предельного напряжения маленьких, ещё не окрепших мышц. Старая балерина, преподававшая у малышей, часто умолкала, опуская руки на клавиши, и молча наблюдала, как четырёхлетний ребенок с абсолютно серьёзным, взрослым лицом раз за разом повторяет элемент, добиваясь идеального угла атаки — совсем как Александр в своей лаборатории транзвука.

А по ночам домашний мир менялся. Засыпая под глухой, утробный вой метели, бьющейся в стёкла академической квартиры, Ефимия больше не летала бесцельно по комнате. Теперь она видела во сне и сцену. Колоссальную, уходящую в черноту космоса, залитую слепящим, пронзительным светом рампы. На этой сцене она была не просто танцовщицей, исполняющей чужую волю. Она была абсолютным творцом. Своим танцем, каждым поворотом головы и взмахом руки она выстраивала собственный вселенский порядок, укрощая хаос и подчиняя его законам высшей, безупречной гармонии.

Два года пролетели как один бесконечный, упоительный экзерсис. В шесть лет Лена уже не мыслила себя без танца. Её упорство пугало даже преподавателей: со стёртыми в кровь пальцами, без единой слезы, она повторяла батманы до тех пор, пока движение не становилось безупречным. И тогда отец решился. Он верил в свою девочку больше, чем в Бога.

Приговор генетики балету. При театре в Жуковском работала знаменитая хореографическая школа-интернат, где с первого класса из одарённых детей буквально выковывали звёзд мировой величины. Для маленькой Ефимии это место казалось не просто школой — оно виделось ей величественным храмом, где её ночная страсть к укрощению пространства наконец-то обретёт настоящий, легитимный дом.

Просмотр шёл в огромном, залитом резким зимним светом зале. От высоких лепных потолков отражалось гулкое эхо, а в воздухе стоял тонкий запах канифоли, пудры и вековой театральной истории. Шестилетняя Лена, бледная, с туго затянутым на затылке пучком волос, в простеньком белом купальнике, стояла перед строгой комиссией. Возглавляла её сухощавая, прямая как стрела женщина с безупречной осанкой и тяжёлым, оценивающим взглядом — главный балетмейстер школы Валентина Николаевна.

Когда девочка встала к лакированному деревянному станку и сделала первое па, по залу прошёл едва слышный коллективный вздох.

Ефимия не просто выполняла заученные элементы — она жила внутри них, как внутри родной стихии. Природный глубокий шаг, феноменальная, почти анатомически невозможная выворотность ног, мягкий, затяжной прыжок, в котором она словно на долю секунды зависала в воздухе, нарушая законы гравитации, и, главное — абсолютная, пугающе зрелая музыкальность. В её шесть лет в ней уже отчетливо читалась та редкая, божественная искра, которая навсегда отличает ремесленника от гения. Валентина Николаевна впервые за весь долгий день отложила в сторону блокнот с записями и подалась вперёд. Её строгие, тонкие губы тронула редкая, почти невозможная для неё одобрительная улыбка.

Фима танцевала, и внутри её маленького тела пела звенящая, абсолютная уверенность: это победа. Она снова сделала это — создала свой идеальный, гармоничный мир из хаоса, и этот мир прямо сейчас открывал перед ней свои тяжёлые двери.

Музыка смолкла, оставив в воздухе последнюю вибрирующую ноту расстроенного пианино. Ефимия замерла в финальной позиции, тяжело и часто дыша, с надеждой и бьющимся сердцем ожидая заветных слов.

— Прекрасно, деточка. Очень способная девочка, просто неограниченный алмаз, — мягко сказала Валентина Николаевна, неторопливо поднимаясь со своего места. — А кто тебя привез? Где твои родители?

— Папа! Он там, за дверью ждёт! — радостно выдохнула Фима, сияя от переполнявшего её счастья.

— Позови его, пожалуйста. Мне нужно поговорить с ним о документах и интернате. Фима пулей вылетела в гулкий коридор, вцепилась в рукав отца и потянула его за собой. Александр, высокий, широкоплечий мужчина, смущённо и гордо улыбаясь, вошёл в балетный класс. На нём был его лучший, тщательно отглаженный выходной костюм, который, однако, едва скрывал мощную статью тела. В его фигуре, развороте плеч и тяжёлом шаге сочетались колоссальная физическая сила и природная, крупная кость истинного мужчины.

Валентина Николаевна повернулась к вошедшему — и её лицо мгновенно, в одну секунду, помрачнело. Одобрительная улыбка сошла с её губ так резко, словно её соскребли холодным хирургическим ножом. Она медленно, профессиональным взглядом оценщика окинула фигуру отца Лены: под 190 сантиметров роста, косая сажень в плечах, мощный торс испытателя и учёного. Это был великолепный, эталонный генофонд для атлета, тяжёлоатлета или борца, но для классического балета это был смертный приговор. Балетмейстер медленно перевела взгляд вниз, на шестилетнюю Фиму, которая всё ещё преданно и радостно смотрела на

неё своими огромными, сияющими глазами. Но в глазах самой Валентины Николаевны теперь читался только сухой, безжалостный прагматизм.

— Извините, Александр... как вас по отчеству? — сухо начала она, даже не глядя на протянутую для приветствия большую руку мужчины.

— Александр Николаевич, — растерянно ответил отец, мгновенно почувствовав перемену атмосферы.

— Александр Николаевич. Мы не сможем принять вашу дочь в нашу школу.

Эти слова прозвучали как хлесткий, оглушительный выстрел в звенящей тишине пустого зала. Лена вздрогнула, физически ощутив, как воздух вокруг мгновенно стал тяжёлым, липким и удушливым. Её идеальный, только что выстроенный мир дал глубокую, непоправимую трещину.

— Но... почему? — голос отца дрогнул и осел. — Вы же сами только что сказали, что она талантливая! Она ведь лучшая из всех! Она только этим балетом и живёт, понимаете? С утра до вечера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.